

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing, in the rain. The man, on the left, has a short haircut and a beard, wearing a grey jacket over a white shirt. The woman, on the right, has long brown hair tied back and is wearing a grey top. They are looking at each other with intense gazes. The background is dark with rain falling, and some blurred lights from a window are visible on the left.

АГАТА *Агата*

О
ПАСНАЯ
БЛИЗОСТЬ

Агата Лель

Опасная близость

<https://litres.ru/74463649>

Аннотация

Я сбила его ночью на пустынной трассе. Отвезла к себе домой, чтобы оказать первую помощь... и сильно об этом пожалела. Очень скоро я узнала, что он – самый разыскиваемый в городе преступник.

И он явно не собирается уходить.

Чем больше времени мы проводим наедине, оторванные от цивилизации, тем труднее становится отличить добро от зла. Но самое страшное – сложнее противостоять опасному притяжению.

#скелеты в шкафу. У всех. #постепенное сближение героев #тайны прошлого #таежная романтика приправленная адреналином

Однотомник!

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	10
Часть 3	19
Часть 4	30
Часть 5	35
Часть 6	41
Часть 7	53
Часть 8	58
Часть 9	64
Часть 10	70
Часть 11	77
Часть 12	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Часть 1

Теперь я – пленница в собственном доме, ведь я узнала его секрет.

Главное, чтобы он не узнал мой.

Как и всегда в это время года ночь в нашей глуши наступила слишком быстро. Буквально только что горизонт был окрашен розовым, и в одно мгновение на мир словно упал плотный занавес. Все стало однородного серо-черного цвета. Лишь на небе – бескрайнем, необъятном, таящем в себе все грязные секреты нашего брэнного мира – сияла россыпь звёзд.

Никогда и нигде в своей жизни я не видела больше такого потрясающего неба.

Я жила здесь, в тайге, уже больше трех лет, но до сих пор не могла насладиться этой красотой. Так и стояла, задрав голову и периодически обдавая дыханием замерзшие пальцы, только лишь когда в кустах раздался треск, вздрогнула, в прямом смысле вернувшись с небес на землю. Не то чтобы испугалась, нет. Знала, что крупный зверь близко к дороге не пойдет, скорее всего какая-нибудь безобидная мелочь, вроде белки или зайца. Но в любом случае задерживаться здесь было крайне нежелательно. В конце-концов это не облагороженный лесопарк в черте мегаполиса, а густой дикий лес, та-

ящий в себе массу опасностей.

Нет, я не боялась его. Больше не боялась. Но осторожность никогда не бывает лишней.

Раздвинув руками ветви душистых елей, вышла к дороге. Метрах в ста у обочины стоял мой заляпанный грязевыми разводами пикап. Несчастный, одинокий и продрогший, прямо как и я сейчас. Конец октября. Нужно всю готовиться к зиме, которая, если верить прогнозам, обещает быть лютой.

Шагая, усмехнулась себе под нос. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь я, Николь Арбенина, буду собственными руками рубить дрова, обращаясь с топором как с пилочкой для ногтей – четко и филигранно. Бизнес-центры, спа, фитнес, массаж, салоны красоты – все блага цивилизации остались далеко позади. И этот выбор я сделала сама.

В моем маленьком доме из добротного бруса было лишь одно небольшое зеркало, больше мне было и не надо, потребность вертеться перед ним отпала вместе с возможностью принять нормальный душ и элементарно выйти в интернет.

Закинув на заднее сиденье потрепанный рюкзак, забралась на холодное водительское кресло и сразу же включила печку. Работала своенравная старушка как и полагается пожилым – еле-еле и через раз.

– Ну чего ты, дорогая, не подводи, – пнула кулаком приборную панель. – Хотя бы ты.

Радио здесь тоже ловило паршиво, чаще раздавалось монотонное шипение, с редкими резкими звуковыми всполохами, способными довести до инфаркта от неожиданности. Но сегодня на наш Богом забытый уголок снизошла цивилизация – музыка заиграла громко и четко, без каких-либо помех. Что-то старое, классическое ретро из восьмидесятых, связанное с ожиданием Рождества, новой любви и приятных перемен.

Будут ли в моей жизни когда-нибудь перемены? Хоть какие-нибудь. Три года словно День Сурка. Впрочем, это меня тоже устраивало. Лучше так, тихо и мирно. Предсказуемо. Чем как когда-то словно на вулкане.

Я убавила звук и завела мотор, который сразу же захрипел и закашлял. Разбиралась в машинах я крайне паршиво, но этот звук точно не предвещал ничего хорошего. Плохо. Очень плохо. Новую тачку мне никак не потянуть, а остаться без колес в этой глуши словно лишиться разом конечностей.

К счастью, старушка Клякса – так я называла свой пикап – наконец-то завелась, и я поехала в сторону дома. Крошечного, всего три комнаты: спальня, кухня и гостиная...

Удивительно, как гибок может быть человек. Ведь когда-то одна моя ванная была больше, чем весь этот дом...

Я ехала, строила планы на завтрашний день, лента дороги была гладко-черной, идеально пустынной, как и всегда, и вдруг...

– Вот черт! Черт!!! – я резко вывернула руль влево, и ма-

шину, словно кегли, отбросило в сторону кювета. Не перевернулась, хвала небесам, но опасно зависла на самом краю.

Я сидела вцепившись обеими руками в руль, рвано дыша через нос, и пыталась привести сердцебиение в норму.

Что это было? Там, на дороге...

Олень?

Лисица?

Я четко слышала, как о капот ударилось что-то тяжелое. И видела... как будто силуэт человека, что повернулся ко мне лицом, широко расставив руки. То ли сдаваясь, то ли пытаюсь остановить.

Нет, это точно не мог быть человек, нет! Здесь нет людей. Нет местных жителей, нет туристов, нет грибников. Здесь вообще никого нет! Мой дом – единственный на нескольких километрах непролазной тайги. Появление здесь человека, без транспорта, поздним вечером, осенью, на своих двоих – исключено. Но в то же время я видела... клянусь Богом, я видела лицо мужчины.

– Пожалуйста, пусть это будет лисица, – взмолилась, проведя рукой по лицу. Та попала во что-то теплое и липкое. Поднесла ладонь ближе к носу. Понюхала – кровь. Я даже не заметила, как ударилась виском о стекло. Привычка никогда не пристегиваться все-таки сыграла со мной злую шутку.

Приведя дыхание более-менее в норму, я открыла дверь и вышла на пустынную дорогу. Единственное освещение – свет фар, звезды и круглая полная луна, что была в этих кра-

ях аномально огромной.

Аккуратно, словно боясь наступить на мину, я сделала несколько осторожных шагов вдоль обочины. Осмотрелась по сторонам, прислушалась... Никого. Тихо. Не совсем, конечно, в тайге никогда не бывает абсолютной тишины, но по крайней мере никто не рыдал и не стонал от боли.

– Есть тут кто-нибудь? Эй! – вслух произнесла я и, не получив ответ, едва не зашлась нервным смехом от собственной глупости.

Чей ответ я ожидала услышать?

Лисицы, что, к счастью, убежала, не получив серьезных травм?

А может, мне вообще все показалось?

– Надо быть осторожнее с местными грибами, – хмыкнула под нос я, ощущая, как спадает нервное напряжение.

Дыхание стало спокойнее, стук сердца не таким громким, начала потихоньку утихать дрожь в пальцах.

– Все хорошо. Ничего страшного не произошло. Ты просто устала. Устала...

Вдруг привычные звуки леса: уханье филина, треск веток, ветер в кронах, разбавило вполне человеческое "mmm".

Биение сердца вновь взяло разгон, словно мощный болид. Звук раздавался чуть дальше, откуда-то слева. На негнущийся ногах я сделала еще несколько шагов.

Фонарик! У меня же всегда лежит в кармане мощный маленький фонарик!

Вынув пластиковый корпус, нажала на кнопку, и темноту разрезал слегка подрагивающий ярко-желтый луч.

Испытывая дикий страх, пошарила им по все еще густой траве вдоль обочины, и уже когда решила, что это "mmm" мне тоже показалось, луч уткнулся в испачканное кровью лицо мужчины.

Часть 2

– Это был человек... На самом деле был человек, – прошептала я, и ринулась к пострадавшему.

Было невероятно страшно, но единственное, о чем я могла думать: спасти, помочь, сделать хоть что-то.

– Вы в порядке? Эй! – прохрипела я.

Мужчина не шевелился. Не стонал. Не дышал. Вообще не подавал никаких признаков жизни.

– Только не это, Господи, пожалуйста! Не вздумай умирать, слышишь? Слышишь меня!

Преодолевая жуткий страх, я потянула руку и дрожащими пальцами коснулась теплой шеи незнакомца. Чуть правее ярко выраженного кадыка, там, где проходит сонная артерия и тонко бьется пульс. И вдруг в этот момент мое запястье обхватила крепкая мужская рука.

– Ты кто? – спросил он, впившись в меня широко раскрытыми темными глазами.

– Живой, – только и смогла всхлипнуть я. – Какое счастье. Ты жутко меня напугал!

– Так кто ты? – переспросил он, усилив хват.

– А ты слишком бойкий для мертвеца... Мне вообще-то больно.

Рука, обвиняющее мое запястье, и не подумала разжаться.

– Я сбила тебя. Прости. Но клянусь, это вышло случайно!

Я и подумать не могла, что здесь может быть кто живой. Кто-то, кроме меня. Я здесь живу, недалеко. У меня тут дом.

Он несколько секунд подумал, словно проверяя мои слова на вшивость, а потом расцепил-таки пальцы. Как будто... расслабился, что ли.

– Извини, не хотел сделать тебе больно, – произнес довольно искренне. Подавив стон, попробовал подняться, но, видимо, это принесло страдание, потому что стон стал громче.

– Что болит? Где? – снова начала паниковать я. – Правая рука точно не сломана, сломанной так не схватишь. Левая? Помочь тебе подняться?

– Я сам, – отмахнулся он и, явно не без труда, попытался принять вертикальное положение.

Боясь, что он может рухнуть, я все-таки подхватила его за талию, и незнакомец, забив на мужское: "Я все сам! Я самец", в свою очередь неохотно обхватил рукой мою.

– Кто ты? Откуда тут вообще взялся?

– Долгая история.

– Идем к машине. Идти можешь же?

– Вроде бы да.

– Значит, как минимум ноги целы. Не представляешь, как я испугалась! Вся жизнь перед глазами пролетела.

Шел он очень нестабильно, слегка поворачивая левую ногу, при этом опираясь на меня всем своим немаленьким весом. Учитывая высокий рост, там не меньше девяноста ки-

логграмм. Против моих сорока пяти...

– Давай, забирайся, – одной свободной рукой открыла машину. – Только аккуратно, не наступи на корзину, там грибы, я их целый день собирала.

– Не нужно в машину. Я пойду, – категорически отказался он, отпуская хват.

– Ты не доставишь неудобств, если ты об этом, я живу одна. Нужно как минимум посмотреть, что с тобой. Я не могу бросить тебя тут, понимаешь? Некоторые травмы не сразу дают о себе знать, например, внутреннее кровотечение.

– Ты врач?

– Почти, – отмахнулась я, не желая вдаваться в подробности. – Не доучилась последний курс.

– А чего так?

– Отчислили за неуспеваемость, – солгала и глазом не моргнув. – Пожалуйста... кстати, как тебя зовут?

– Лука, – подумав, ответил он.

– Лука? Да ладно.

– Тебя что-то смущает?

– В общем-то нет, – стало неловко. – Просто имя редкое. Никогда не слышала, как у какого-то святого.

– Я и есть святой, – усмехнулся он, и его темные глаза на испачканном кровью лице блеснули как-то совсем недобро.

Только сейчас, в этот момент, я впервые подумала о том, что мы здесь абсолютно одни. В глухом лесу. Я и какой-то незнакомый мужчина. Высокий, крепкий и, не смотря на

травму, очень сильный. Запястье до сих пор ныло от его звериного хвата.

Но я сбила его. Я не могу бросить его здесь, одного, на дороге. Скоро наступит ночь. А ночь в тайге, да еще холодной осенью – это вам не шутки.

Успокойся. Выдохни. И перестань накручивать себя уже! Это все нервы. Мир не состоит только из одних психопатов. Ты обязана убедиться, что не покалечила его.

– Давай доедем до моего дома, он недалеко. Там я осмотрю тебя, напою чаем, ты умоешься в конце концов, а потом пойдешь куда захочешь.

Было очень темно, света фар катастрофически не хватало, я даже толком не могла рассмотреть его лицо, но его глаза... глаза я видела четко.

Он смотрел на меня очень пристально. Изучающе, не моргая. И от этого его взгляда стало не по себе. Я уже даже пожалела, что предложила ему помощь и была бы рада снова услышать отказ, как вдруг он произнес тихое:

– Хорошо, – и, явно преодолевая боль, забрался на пассажирское кресло.

Я зачем-то осмотрелась по сторонам, обошла машину и не слишком охотно села за руль.

Присутствие в моем пикапе построенного мужчины сбивало с толку, убавляя градус уверенности. Чужие запахи заполнили пространство, и я буквально кожей ощутила, что, кажется, только что совершила огромную ошибку.

– Надеюсь, не заглохнет, – нервно усмехнулась я, поворачивая ключ в замке зажигания.

Клякса, видимо, испугавшись не меньше моего, послушно завелась с первого раза. Как будто транслируя: давай уже побыстрее доедем до дома, ты накормишь его, подлечишь и мы от него наконец избавимся.

– Где твоя машина? – осторожно поинтересовалась я, не отрывая взгляда от черной лентой дороги.

– Я не на машине, – отрезал он.

Подозрения стали накатывать одно за другим как снежный ком. И без того хорошее воображение разыгралось ни на шутку.

– Что ты делал здесь поздно вечером без машины? Ты в курсе, что это вообще-то тайга?

– Я в курсе.

– Как ты оказался здесь?

– Пришел пешком.

– Пешком?

– Тебе кажется это странным?

– Вообще-то да.

Места ему в моей старушке определенно было мало: длинные согнутые в коленях ноги упирались в бардачок, а макушка почти касалась крыши.

Откинувшись на спинку кресла, он сбросил капюшон. И, признаться, выглядел при этом куда более уверенным, чем я.

– Я гулял, – определенно издеваясь, уточнил он.

– В лесу? Поздно вечером? Один?

– Да, именно так. Примерно как и ты, – чуть повернул голову назад, оглядывая заднее сиденье. – Не вижу с тобой попутчика.

– Мне не слишком нравится твой тон, *Лука*, – выделила интонацией его имя. Почему-то все больше начинало казаться, что он его придумал. – Я не знаю кто ты и что ты делал здесь один перед приходом ночи. Да и если честно уже не хочу знать. Но я сбила тебя и обязана убедиться, что ты не рухнешь где-нибудь на дороге, потому что у тебя лопнула селезенка или начался коллапс легкого.

– А ты точно врач, – усмехнулся он. Даже как будто вполне дружелюбно, но абсолютно все в нем мне казалось теперь подозрительным. – Ваша братия любит страшилки.

– Это не страшилка, а вполне возможное последствие сильного удара тупым предметом в область живота и груди, – шутить, улыбаться, даже помогать ему совершенно перехотелось.

Я ехала и ругала себя последними словами. За свою невнимательность, за дурацкое бесстрашие, за то, что посадила его в свою машину.

Я спокойно жила три этих года. Тихо, мирно, вела затворнический образ жизни, нигде не отсвечивала. И надо же было так нелепо вляпаться!

А если с ним действительно что-то серьезное и его придется везти в больницу? А если он впадет в кому, или поте-

ряет память, или, упаси Бог – умрет, и потребуются мои документы, как я объясню их отсутствие?

Дура! Дура! Дура!

– Впрочем, если тебе уже лучше и ты полон сил...

– Решила выпнуть меня посреди пустынной трассы? – перебил меня он немного резко. – Передумала помогать?

– Если честно, ты действительно не выглядишь пострадавшим.

– А если коллапс легкого и все такое? Я же должен получить какую-то компенсацию, правильно?

В салоне было очень темно, но я чувствовала на себе его испытующий взгляд. Мы словно поменялись местами и теперь уже *он* изучал меня и пытался расколоть.

– У меня нет денег, если ты клонишь к этому, – устало вздохнула. – Единственное, чем я могу компенсировать свой поступок – обработать твои раны. Еще могу отвезти в больницу, если хочешь.

– Не надо в больницу! – как-то уж слишком резко отреагировал он. – Уверен, ты и сама со всем справишься.

Зачем я сказала ему, что живу одна? Господи, ну почему я такая тупица!

Он волнения стало жарко, пульс разогнался до ненормальных границ.

Я пыталась как-то успокоить себя, убедить, что я просто надумываю себе всякие ужасы. Что ничего страшного не произойдет. В конце концов в сарае висит охотничье ру-

жье...

Впереди показался дом, который я уже считала своим. Небольшой, с маленькой открытой террасой и спасательницей баней на заднем дворе. Первое время я почти не спала ночами. Вздрагивала от каждого треска ветки и вскрика птиц, я чувствовала себя уязвимой и жутко напуганной. А теперь ничего, привыкла. Осознала, что здесь меня поджидает гораздо меньше неприятностей, чем в большом городе.

Ну что сделает зверь? Его намерения примитивны. Немного осторожности и ты в безопасности.

Звери там, в каменных джунглях, в дорогих костюмах, распивающие марочный коньяк, куда страшнее...

– Это и есть твой дом? – спросил Лука, пытаясь рассмотреть хоть что-то в окне.

– Да, – заглушила мотор.

– И не страшно тут одной?

Я перевела на него прямой взгляд, в который вложила максимум лживой уверенности.

– А кого мне бояться?

Он ничего не ответил. Припадая на левую ногу выбрался из машины. Я вылезла следом, достала с заднего сиденья рюкзак, периодически с подозрением поглядывая на неожиданного гостя. Потом перевела взгляд на огромный старый пенёк, на котором рублю дрова. Топор, уже слегка затупившийся, но еще довольно рабочий, был вбит углом острия в зазубренное дерево.

Мне не понравились собственные мысли. Я словно *уже* строю планы как буду обороняться, хотя он по сути еще ничего мне не сделал.

Пока, – пропищал мерзкий внутренний голос.

– У тебя нет собаки? – вдруг спросил он.

– Нет. А нужна?

– Ну, все-таки ты живешь здесь одна, мало ли что. Какая-никакая, но все-таки охрана.

– Карабин моя охрана, – выдала, как понадеялась, зловещую улыбку. – Он точно никогда не подведет.

– Даже так? – хохотнул Лука. – А ты опасная женщина. Кстати, а как зовут тебя?

Сказать правду или солгать?

– Николь.

– Да ладно! – отзеркалил меня он, упиваясь собственной находчивостью. Но я намеренно не выдала никакой реакции.

– Да, у меня тоже редкое имя. Идем.

Подошла к двери и, сделав два оборота ключом, открыла ее. Ударила ладонью по выключателю, и крошечную гостиную озарила тусклым светом одинокая лампочка.

– Проходи.

Часть 3

Он вошел следом за мной. Неторопливо обвел цепким взглядом простенькую комнату, словно изучая, таит ли она в себе какую-то опасность. Потом по-хозяйски отодвинул занавеску, заглянул в соседнюю.

– У тебя нет телевизора? – обернулся.

– Нет.

– Телефон? Интернет?

– Нет. А что?

– Это хорошо, – резюмировал он и приземлился на продавленную софу.

Теперь, при свете, я смогла рассмотреть его впервые за этот безумный вечер. Короткая стрижка, обычная, под машинку, высокие "монгольские" скулы, волевой подбородок с трехдневной щетиной, темные, глубоко посаженные внимательные глаза. Если бы не жуткие пятна крови на лице, его можно было бы даже назвать довольно симпатичным.

Он тоже смотрел на меня, наверное, точно так же впервые рассмотрев нормально.

Я давно перестала париться над своей внешностью, не пользовалась за ненадобностью косметикой и не красила волосы, обычно собирая их для удобства в косу или хвост. И мне было плевать, какое у него сложится обо мне мнение.

– У тебя... – не отрывая от меня глаз, коснулся кончиками

пальцев своей щеки, — ...кровь на лице.

— У тебя тоже.

— Это моя?

— Нет, моя. Я ударилась о стекло, когда резко повернула руль.

— Ты была не пристегнута?

— Нет.

— Понятно, — резюмировал он, очевидно подумав, что я очередная тупая "обезьяна с гранатой".

Растянув руки по спинке дивана, откинул голову назад, словно спасаясь от усталости или боли. Прикрыл глаза.

А если я действительно навредила ему больше, чем кажется на первый взгляд?

А если что-то с внутренними органами и прямо сейчас он медленно умирает от брюшного кровотечения?

Я не солгала ему — я ни дня не работала врачом, хотя очень хотела. И, видимо, приобретенные во время блестящей учебы навыки, помноженные на гены (мой отец и дед по отцу были хирургами), не позволяли мне пустить все на самотек.

Я побаивалась этого странного мужчину, но не менее боялась, если он вдруг умрет по моей вине.

Нужно его осмотреть. Страшно, но необходимо.

Пока он сидел, расслабленно прикрыв глаза, я, ни на секунду не выпуская его из поля периферического зрения, вошла на примыкающую к гостиной кухню и достала из шкафчика аптечку. Потом, подумав, осторожно и, как мне каза-

лось совсем не заметно, выдвинула ящик и достала маленький нож. Быстро сунула его в карман, затем взяла коробку и вернулась в гостиную. Подошла ближе к гостю, что свалился на мою голову, не без доли страха заглянула ему в лицо.

Казалось, что он спит. Или...

Нет, он спит! Даже не развивай мысль в ином ключе!

– Лука? – тихо позвала я, поведив ладонью у его лица. – Лука, ты спишь?

Он молчал, и я начала дико волноваться.

– Лука! Проснись! – чуть пнула его кулаком в плечо. Он резко распахнул глаза и ловко перехватил мою руку, едва не вывернув запястье.

– Ты что делаешь! Совсем псих?!

– Извини, – словно пришел в себя он, ослабив схватку. – Я что, отключился?

– Похоже на то, – поджав от обиды губы, открыла аптечку. – Ты чего дерганный такой?

– Не доверяю женщинам, которые бродят в одиночестве по тайге.

– Сними худи и вытянись на диване, – пропустив шутку, строго скомандовала я.

– Это еще зачем?

– Мне нужно тебя осмотреть.

– Я в порядке.

– Просто делай, что тебе говорят, пожалуйста. У меня был крайне непростой вечер, – вздохнула. Нервное потрясение

дало о себе знать – я резко сильно устала. Вообще от всего, и от него особенно.

Подумав, он не без труда сел. Снял черный "дутый" жилет. Завел руки назад и стянул через голову худи. Затем черную футболку, обнажив довольно неплохой четко очерченный пресс.

Но любоваться красотами мужского тела не было ни желания, ни времени. Первое, что я увидела – большой, пока еще красный ушиб в области левого ребра. Который уже завтра станет жуткого бурого цвета.

Дело дрянь. Только этого мне не хватало.

– Вот сюда, на подушку ложись. Ноги вытяни и руки вдоль тела.

Ноги-то он вытянул, но руки демонстративно заложил за голову. Хочет показать какой он мужик. Да и черт с тобой.

– Вот тут больно? – надавила тут и там на брюшную полость. Особенной реакции не получила. – А здесь? – ребром ладони по правому подреберью, и вот теперь он глухо застонал. – Все понятно.

– Что тебе понятно?

– У тебя ребро треснуло, если не сломалось. Как минимум одно. Плюс ушиб лодыжки, ты хромаешь. А еще наверняка сотрясение мозга, вон как затылком приложился. Голова кружится? Тошнит? Есть мушки перед глазами?

– Да нормально все, говорю, – отмахнулся он, поднимаясь.

– Нет, не нормально, – и как бы мне того не хотелось,

как бы сильно я этого не избегала, какие бы проблемы мне это не принесло, но пришлось произнести то, что я произнесла: – Тебе нужно в больницу. Необходимо сделать рентген, чтобы исключить...

– Я не поеду в больницу! – грубовато перебил Лука. – Ты сама меня починишь.

– Я не могу знать наверняка, что у тебя там. Это просто предположение, пальцем в небо. Без анализов и обследования никто тебе точно ничего не скажет, тем более я, недоврач без опыта.

– Я уже ломал ребро, – недовольно буркнул он и принялся натягивать обратно свою футболку. – И оно прекрасно зажило само.

– Да, оно и заживает само, но наверняка ты тогда посещал больницу. Нужно убедиться, что там ничего серьезного, что ребро не задело легкое. Тебе нужен корсет, его выпишет врач. Необходимо сделать МРТ и подтвердить сотрясение, осмотреть ногу. Это все действительно очень серьезно!

– Я же сказал, что никуда не поеду! – раздраженно повторил он. – Что непонятного?

– Но почему?

– Ты задаешь слишком много вопросов, тебе не кажется?

Меня осенило. Он не просто не хочет ехать к врачу, он *не может* этого сделать по каким-то своим соображениям. Не может светиться! Уж кому как не мне знать, что это такое.

Какие у него для этого были причины я не имела ни ма-

лейшего понятия, но они явно были.

Стало еще страшнее. Господи, куда я вляпалась. Кто он и что натворил.

— Как хочешь, твое дело, — я устала с ним бороться. Нервно поднялась и захлопнула так и не пригодившуюся аптечку. — Можешь идти куда хочешь, больше не смею задерживать.

Я развернулась и ушла в свою крошечную спальню, ощущая, как подрагивают руки. Достала ватный диск, плеснула на него водой из графина и, глядя в небольшое настольное зеркало, принялась вытирать с лица уже засохшую кровь. Рана оказалась неглубокой, небольшое рассечение, от которого через неделю не останется и следа. Но этот факт меня вот совершенно не радовал.

Может, он все-таки уйдет и я наконец-то выдохну спокойно? Он же куда-то торопился, это я буквально уговорила его поехать со мной. Дура! Раз спешит, пусть катится. Взрослый человек в конце концов!

В гостиной за занавеской было тихо. Он явно не открывал входную дверь, значит, все еще здесь. Надежда, что он провалит, растаяла как дым.

Вздохнув, я вышла и, конечно, обнаружила его сидящим на диване.

— Ты все еще здесь?

— То есть ты хочешь выгнать меня покалеченного в ночь?

— Ну ты же куда-то торопился, — вытянув руку, демонстративно указала на дверь. — Прошу.

– Напомню – ты меня чуть не убила.

– "Чуть" не считается. И если бы ты сам не бросился под колеса, соблюдал элементарные правила осторожности, я бы тебя не сбила, – начала злиться. – Я предложила тебе помощь – отвезти в больницу. Ты отказался. Больше я тебе помочь ничем не могу. Денег у меня, как видишь, тоже нет, – обвела взглядом лачугу из бруса. И решила пойти ва-банк: – Если хочешь, можешь заявить на меня в полицию. Но что-то мне подсказывает, что ты не станешь этого делать.

Глаза в глаза, и взгляды наши не сулили ничего хорошего.

– Я так поняла, тема закрыта, – расчет оказался верным.
– До свидания.

– Есть какое-нибудь обезболивающее? – неохотно сдался он. – Желательно помощнее.

– Ибупрофен. За остальным нужно ехать в поселок, это теперь только утром. Сейчас все давно закрыто.

– Неси, – рубанул он.

Я вернулась в спальню, достала из коробки блистер и выдавила на ладонь две таблетки. Налила в стакан воды и не без раздражения вернулась в комнату.

– На, – протянула ему. Он с подозрением посмотрел на два белых кругляшка.

– Пачку неси. Всю, – кивнул мне за спину.

– А чем тебя эти не устраивают? Брезгуешь, думаешь, у меня грязные руки? Или... – дошло. – Или ты думаешь, что я тебя отравить хочу?

– Кто тебя знает.

– Если бы я хотела от тебя избавиться, я бы не вытянула тебя из канавы, а еще раз переехала, для верности, – и ворчливо добавила под нос: – Что, в общем-то, и надо было сделать.

Сходила в комнату и принесла початый блистер. Сунула ему в руку. На, убедись.

Он повертел в руках пачку, потом выдавил две таблетки и кинул их в рот. От воды отказался.

– Почему ты так легко одет? На улице холодно, – с подозрением оценила его легкий прикид.

– Я был за рулем.

– И где твоя машина?

– Где мне лечь? Здесь? – проигнорировав вопрос, задав свой.

– Лечь? – я округлила глаза. – То есть спать? Ты имеешь в виду, что хочешь остаться на ночь у меня дома?

– Я хреново чувствую себя и не доставлю проблем, – чуть сморщился он, заваливаясь на здоровый бок. Выглядел он правда неважно, но это же не означает, что я должна оставить у себя дома совершенно постороннего мужчину!

– Стоп! Подожди, Лука, мы так не договаривались! – начала заметно нервничать. – Я привезла тебя сюда просто осмотреть. Я не могу оставить тебя тут!

– И почему?

– Потому что... – запнулась. – Потому что я тебя не знаю!

Не знаю, что ты за человек! Может, ты психопат. Шизофреник. Маньяк. А у меня даже двери на входе в спальню нет!

– Не волнуйся, я тебя не буду тебя насиловать, если ты об этом, – и добавил, словно это весомый аргумент. – У меня есть девушка.

– Я рада за тебя, но оставить тебя тут все равно не могу!

– Сколько тебе лет? – психанул он, повернув на меня голову.

– А что?

– Это сложный вопрос?

– Двадцать восемь.

– И в двадцать восемь ты до сих пор остаешься инфантильной истеричкой? Сказал же – можешь быть спокойна. Я просто хочу выспаться, – и снова повернулся ко мне спиной.

И что мне делать?

Тащить его на выход силой? Они явно не равны, даже учитывая, что он в таком состоянии. И полицию вызвать не могу, потому что у меня нет телефона.

Впрочем, даже будь он у меня, я бы все равно ее не вызвала. Полиция – последние, с кем я хочу иметь хоть что-то общее.

Пока я размышляла, Лука уснул, его размеренное дыхание заполнило все пространство моего дома, и это было так странно, видеть кого-то здесь, в своей гостиной.

Я привыкла к одиночеству, и пусть поначалу было очень трудно, страшно, даже научилась находить в нем свои плю-

сы. И вот теперь на моем диване развалился какой-то странный чужой мужик, которого я случайно едва не убила.

Сейчас, во сне, он выглядел вполне безобидным. Ноги ему пришлось согнуть в коленях, чтобы нормально поместиться на небольшом диване. Он глубоко дышал, и я слышала в его легких едва уловимые хрипы. Слышала я их и когда осматривала его ранее. Кажется, он уже был болен, когда я его сбילה. Возможно, у него бронхит или вообще пневмония.

Кто он такой вообще?

Откуда взялся в нашей глухой тайге?

Почему бродил по лесу один, поздно вечером, так легко одетый...

Вспомнила, что в сарае спрятано ружье, добротная охотничья двустволка. Я даже не знала, есть ли от нее пули, а если и есть, то наверняка они давно отсырели.

Стрелять я умела, в детстве меня этому учил дедушка, но это было так давно...

Впрочем, я что, серьезно сижу и размышляю как выпущу в живого человека карабин? У меня не хватит духу.

Хотя кого я обманываю... Хватит. Если того потребуют обстоятельства.

Я тихонько сидела на примыкающей к гостиной кухне, пила горячий чай и смотрела на нежданного и совсем нежеланного гостя, не зная, что делать. Время перевалило за полночь, начало клонить в сон, но я боялась покинуть свой наблюдательный пункт. Проверив в кармане нож, положила го-

лову на сложенные на манер школьницы руки, глаза мои стали безбожно слипаться, а потом я сама не заметила как уснула.

Часть 4

Проснулась я от, как показалось, просто оглушительного грохота. Не понимая, что происходит, резко подняла голову и, еще не продрав толком глаза, сразу же схватилась рукой за карман.

Он был пуст.

– Оно выпало только что, – раздалось из гостиной. – Твое грозное оружие.

С колотящимся сердцем я посмотрела вниз. Действительно, нож валялся на разохшемся дощатом полу.

– Ты действительно думала, что сможешь одолеть меня скребком для чистки морковки? – усмехнулся он.

В комнате еще с ночи был включен свет, но он был уже не нужен – в окно заглядывало серое утро. Выходит, я проспала сидя, в неудобной позе, несколько часов. И даже не пошевелилась.

Хороша охранница, ничего не скажешь.

– Твои шутки неуместны, учитывая, что мы совершенно незнакомы, – поднялась, пытаюсь размять спину и затекшие конечности. – Мера предосторожности. Лишней не бывает.

– Грозный воин, сладко пускающий в рукав слюни.

– Я не пускала слюни, – огрызнулась, но на всякий случай скосила взгляд ниже, на свою куртку.

Разумеется, я не переодевалась и тем более не раздева-

лась, уснула в том, в чем пришла.

Выглядел мой ночной гость неважно. Еще эти жуткие засохшие пятна бурой крови на лице...

– Как твой бок? Болит?

– Дрянь твоё обезболивающее.

– Дай посмотрю, – подошла к нему ближе. – Подними футболку.

Он послушно сделал то, что я сказала.

Все оказалось так, как я и думала – на месте удара образовался огромный ужасного вида кровоподтек. Я аккуратно пропальпировала его. Кожа была влажной и горячей. А учитывая, что в ночь я не разжигала старую печь, переделанную в камин, горячим он был точно не от жары.

Положив ладонь на его лоб, едва не застонала от такой подставы.

– У тебя температура. Около тридцати девяти, если не больше. У тебя бронхит?

– Не знаю. В ваших краях оказалось довольно холодно.

– В "ваших краях"? – зацепилась я. – Выходит, ты не местный?

Он, возвращая футболку на место, кинул на меня хмурый взгляд.

– Опять слишком много вопросов.

Я вернулась к столу, взяла блистер с остатками Ибупрофена и бросила ему початую пачку.

– Сразу две.

Он сделал, как я сказала, а потом поднялся. В полный рост он оказался выше, чем показалось вчера. Выше, шире, мощнее и опаснее.

Спасибо небесам, что я пережила эту ночь целой и невредимой.

– Где у тебя ванна?

– В Москве, – усмехнулась под нос я.

– Где?

– Ты издеваешься? Ты думаешь, тут есть центральный водопровод?

– А как же...

– Тут есть баня, за домом, – кивнула себе за спину. – Там же кустарный душ, работает от водонагревателя. Водонагреватель работает от электрогенератора. Воду, кстати, надо экономить.

– Я просто хочу умыться.

– Да, не помешало бы, – оценила его неприглядный вид. – Выглядишь как главный герой фильма ужасов.

Он ничего на это не ответил. Прихрамывая, вышел из дома, а я опустилась на все еще теплый после чужого тела диван, не зная, что мне со всем этим делать.

Он явно плох, выгонять его в таком состоянии просто бесчеловечно. К тому же как бы я не накручивала себя всякими страшилками, пока он не сделал мне ничего плохого. Может, конечно, "пока", но ведь не сделал же.

Да, я могу выгнать его насильно, по крайней мере могу

попробовать, но кто даст гарантию, что он все-таки не пойдет заявлять на меня в полицию?

Мне нельзя светиться. Никак. Все это может плохо закончиться.

На диване остался его "дутый" жилет. Обернувшись на дверь, я воровато схватила чужую вещь и быстро проверила карманы, надеясь, что там лежит паспорт. Все-таки зная полное имя таежного "маньяка" и адрес его прописки чувствуешь себя немного увереннее. Но паспорта там, к сожалению, не оказалось, зато я нашла две пары ключей. Одни очевидно от квартиры, а вторые – машины, судя по брелку известной иномарки. Довольно дорогой.

На пороге раздались шаги. Я быстро засунула все обратно и бросила жилет на диван.

Он вошел, окинув меня подозрительным взглядом. Вытирая мокрые руки о джинсы, посмотрел четко туда, куда я швырнула вещь.

Он умылся и выглядел теперь не так жутко. Вернее, если отбросить обстоятельства нашего знакомства и мои подозрения – совсем не жутко. Впервые за время с ним я вдруг немного смутилась. Потому что впервые увидела в нем не человека, которого я едва не убила, не подозрительного маньяка, а довольно привлекательного мужчину.

– Что там с завтраком? – спросил он. – Можешь приготовить яичницу?

Только я хотела поинтересоваться, с чего он взял, что у

меня в холодильнике есть яйца, как поняла, что он шел в баню и наверняка услышал в сарае копошащихся куриц. Которых уже следовало бы покормить.

Да, два года назад я купила петуха и трех несушек, которые сразу же кинулись бессовестно и очень активно плодиться. Пришлось на собственном опыте познавать азы ухода за этими бестолковыми, но довольно полезными в быту птицами.

Если бы кто-то из моей прошлой жизни узнал об этом – никогда бы не поверили. Да я сама до сих пор не верю во все со мной происходящее. Как во сне.

– Хорошо, приготовлю, – покорно согласилась я.

Признаться, я и сама дико проголодалась. Со вчерашнего обеда во рту не было ни крошки.

Сбегав быстро за дом, чтобы умыться и почистить зубы, вернулась обратно, надеясь в глубине души, что все это мне просто почудилось. Что никакого Луки нет. Что я приду и в моей гостиной никого не будет. Но он по-прежнему сидел там. Невероятно огромный для моего тесного, одинокого, и до недавних пор безопасного мирка.

Почему-то возникло тревожное, но очень четкое ощущение, что как прежде уже не будет.

Часть 5

Во вчерашней одежде было не очень комфортно, пока я шарилась во тьме по кюветам, успела неплохо изваляться в грязи. Ужасно хотелось переодеться, но раздеваться в присутствии чужого мужчины за тоненькой занавеской было не просто страшно – глупо. Ни к чему лишние провокации. Да, он не выглядит неадекватным, но внешность бывает сильно обманчива. Я даже не могу с уверенностью сказать, на что способна я сама, что уж говорить за другого человека.

Нервное напряжение давало о себе знать, разболелась голова от постоянных мыслей и тревог. Решив хоть на чуть-чуть отпустить ситуацию, зашла на кухню и принялась готовить нехитрый завтрак: яичница, хлеб с маслом, джем, тосты.

Периодически я бросала взгляды на Луку, он внимательно наблюдал, как я готовлю, и от этого было немного неловко. Дурацкое чувство, и с чего бы оно? Это как-никак *мой* дом. Мой, а не его. Я здесь хозяйка и правила тут мои. Он – гость, вот путь он и смущается.

Стараясь хоть как-нибудь разбавить повисшее в воздухе напряжение, включила радио. Музыка сразу же подняла настроение, все происходящее перестало казаться таким уж подозрительным.

– Кофе или чай? – спросила, дабы проявить вежливость.

– Чай.

– А я больше люблю кофе, только не на ночь. Потом уснуть не могу.

Беседа была больше лишь бы заполнить паузу, но все равно тоже немного помогло нивелировать нервозность.

– И есть по утрам я не слишком люблю, но сегодня почему-то слона бы съела, – принялась по очереди относить скромный завтрак на стол. – Садись.

Дома было не жарко, но он снял худи, оставшись в одной футболке. Руки чистые, без опознавательных татуировок, если что и зацепиться потом не за что...

Он сел за стол напротив меня, взял самый толстый кусок булки, опустив ложку в банку, щедро намазал джемом.

Выглядел он хмуро и озабоченно. А еще... как будто бы уже не так опасно.

Очередная песня закончилась, и начался выпуск местных новостей.

"Полиция до сих пор продолжает поиски подозреваемого в убийстве дочери главы поселка Евгения Добровольского. В последний раз мужчину видели скрывающимся в тайге. Его приметы: рост метр девяносто, темные глаза, гладко выбрит. Одет был в черную куртку, синие джинсы, черную бейсболку. Любого, кто..."

– Выключи! – не попросил – буквально приказал Лука,

который на мгновение перестал жевать.

– Новости сейчас закончатся, дальше снова будет музыка.

– Выключи, я сказал! – еще тверже повторил он.

Не понимая, что на него нашло, протянула руку и полностью убавила звук.

– Голова болит, – уже мягче обосновал причину своего поступка. – Раздражают звуки.

– Ты плохо выглядишь, тебе нужно к врачу, – отпивая чай, снова завела старую тему. – Все-таки ты попал под машину, а это не шутки. Я могу высадить тебя у больницы, а дальше ты сам.

– Я же сказал, что не пойду ни к какому врачу!

– Но почему?

– Потому что боюсь уколов. Такой ответ тебя устроит?

– Не хочешь говорить – как хочешь, – я даже немного обиделась. Да и пошел он. Уткнулась в свою тарелку, намеренно не обращая на него внимания.

– Как ты здесь оказалась? – вдруг спросил он. Я подняла на него удивленный взгляд.

– Где – здесь?

– Здесь. В этом месте.

– Я всю жизнь здесь живу, – соврала не глядя.

– Только не надо меня лечить, доктор. У тебя на лице все написано. Такие как ты бегают по салонам красоты и ездят на дорогих машинах. Но точно не копаются в курином навозе среди елок. Что тебя сюда привело?

Так я тебе и рассказала, человеку, которого совершенно не знаю.

– Люблю природу, – ушла от ответа.

– А если правда?

Такая навязчивость вновь включила мою подозрительность.

А может, он попал под мои колеса не просто так?

А может, его отправили сюда все разнюхать?

Вдоль позвоночника побежал суеверный холодок.

– Какая тебе разница? – ответила я резко. – Ты тоже не спешишь рассказывать о себе.

– Гулял по лесу, собирал грибы, заблудился. Ничего интересного.

– Ну вот примерно так и я тут оказалась. Гуляла, заблудилась, решила остаться.

Я знала, что он врет. И он тоже знал, что я говорю неправду. Два лжеца за одним столом. В этом даже есть что-то забавное.

– Болит что-то кроме головы? – сменила тему.

– Правый бок. И нога.

– Про бок я уже говорила, это все может плохо закончиться. Как и твои хрипы в легких. Хорошо, если просто бронхит. А вдруг пневмония?

– Такое чувство, что тебя действительно волнует мое здоровье, – засунул в рот большой кусок булки.

– Если ты не забыл, я почти закончила медицинский. Мой

дед был врачом, отец. Спасать людей у меня, видимо, в крови.

Прикусила язык. Слишком уж я разболталась. Ни к чему постороннему человеку знать о моей жизни.

А вот раскусить его все-таки хотелось.

– Между прочим, ты тоже не похож на человека, который на досуге собирает грибы. Такие как ты тусуются в качалках и подвозят таких как я, по твоим же словам, на дорогих машинах.

Он усмехнулся, обнажив ямочку на щеке. На одной, левой. И она ему очень шла.

– Я правда грибник.

– И много там было подборовиков?

– В этом году не сезон.

– Нет такого гриба, – ликуя, подловила я.

– Я знаю, – он снова улыбнулся.

Вообще, если перестать быть слишком подозрительной, он как будто бы даже вроде бы и ничего. Да, со своим тараканами, но у кого их нет? Если копнуть глубже, в моем прошлом можно обнаружить такое... Его грешки по сравнению с моими – мамины поцелуи.

– Как ты живешь здесь совсем одна? – спросил он, бросив взгляд в окно. – Неужели действительно не страшно?

– Я же говорила.

– А если серьезно?

– Уже не страшно, – дернула плечом. Отломив кусочек

хлеба, макнув его в мед. – Ко всему привыкаешь.

– От кого прячешься, Николь? – прямо спросил он и обжег пристальным взглядом.

А в моем горле застрял кусок.#

Часть 6

Его вопрос выбил из колеи. Но я быстро собрала все свое самообладание в кулак и сделала так, как делала все эти три года – ушла в глухую оборону.

– С чего ты это взял, что прячусь?

– Не первый день живу. Чуйка.

– Она тебя подвела, – сухо резюмировала я, дожидая завтрака. – Живу здесь потому что хочу. Меня все устраивает. Выпей ибупрофен, иначе хуже станет. А по-хорошему тебе нужны антибиотики.

– У тебя их нет?

– Нет.

– Плохо.

– Говорю же – могу отвезти в больницу. Тебе помогут, даже если нет документов. Обязаны, как и каждому в нашей стране.

– Мне казалось, что ты из тех, кто слышит с первого раза, – грубовато рубанул он.

– Для незваного гостя ты слишком уж борзый, тебе не кажется?

– А ты слишком смелая, для молодой девушки, что живет совершенно одна в глухом лесу.

И снова он напомнил мне о том, что иногда нужно включать инстинкт самосохранения. Он прав. Не нужно пихать

руку в пасть волку – именно так говорил мой любимый де-душка.

– Как ты вообще существуешь здесь, без телевизора и интернета? – снова включил нормального он. – Как узнаешь новости из цивилизации?

– У меня есть радио, – кивнула на старый приемник. – Он настроен на местную волну. Но обычно у нас совсем ничего не происходит. Население поселка не превышает трех тысяч, все друг друга знают.

– Я слышал, что убили дочь главы, – напомнил он, и впился в меня цепким взглядом. – По радио сказали.

– Да, кошмар. Это вот единственное, что произошло здесь шокирующего за три года, что я здесь живу, – ляпнула, и тут же прикусила язык.

Ну что я за дура! Сама же раз за разом открываю о себе что-то новое.

Возможно, сказалось то, что у меня развился тотальный недостаток живого общения. Поговорить хоть с кем-то, вот так за одним столом, уже огромное событие в моей монотонной жизни.

– Ладно, я пойду, – вытерла рот салфеткой и бросила смятый комочек на стол. – У меня куча дел.

– Куда? – резко подорвался он, вцепившись в мое запястье.

Я хмуро бросила взгляд на его львиную хватку.

– Ты в своем уме? Совсем берега попутал? Вообще-то я

тебе тут жизнь спасаю.

– После того, как сама едва ее не лишила.

Я обиженно выдернула руку и растерла запястье.

– Не надо было тебя кормить, ослабевшим ты был более мирным.

– Извини, – резко сбавил градус. – Это все температура.

– Таблетки там, – холодно кивнула на стол в гостиной. –

Не забудь принять.

– Так куда ты?

Он не отстанет, нет. Глубоко вздохнула.

– Каждую неделю, по субботам, я вожу на местный рынок ягоды, грибы, яйца. Рыбу, если попадается в сеть. Скидываю местным торговцам, надо же на что-то жить. Завтра суббота. Мне нужно подготовить товар, – и добавила не без доли надежды. – Хочешь – можешь уйти. Я тебя не держу.

Он ничего не ответил, и я вышла на улицу, пребывая в непонятном раздрае.

Он уже провел здесь ночь, остался на утро. Он что, вообще не планирует отсюда уходить?

Да, ему объективно хреново. Я видела, как он пытается держаться, делать вид, что в строю, но выглядит при этом неважно. Возможно, он бы давно ушел, но просто не может...

Господи, и что мне с ним теперь делать?

А если он все-таки склеит лапы в моем доме?

Представила, как ко мне заявляются местные полицаи и сразу же стало дурно.

А может...

Нет. Мысль настучать на него в полицию первой сразу же отпала. Это просто глупо – жаловаться на человека, который ничего тебе не сделал. А вот я ему – еще как. Это *он* имеет полное право настучать на меня. Чья бы мычала.

Дабы отвлечься от дурных размышлений, решила заняться чем-то полезным. Тем, что кормит меня эти годы, а именно продажа даров тайги. В сезон я собираю орехи, грибы, чернику, дикую землянику, травы, даже шишки. Потом все это мою, чищу, перебираю: что уходит сразу свежим, что-то сушится или перерабатывается на варенье. Да, я научилась делать и это, надо же хоть на что-то убивать долгие одинокие вечера.

Сначала было очень трудно, я совершенно ничего не умела, даже не знала как толком пользоваться спичками. Я переживала сильную депрессию и тоску по дому, по друзьям и родным. Но в то же время я четко осознавала, что назад дороги нет и уже никогда не будет. Что нужно приспособливаться к жестоким реалиям, которые я сама же и выбрала.

Спустя время оказалось, что и здесь можно жить. Без привычного комфорта, средств связи, салонов красоты и общения. В единении с природой есть свои неоспоримые плюсы – я стала спокойнее, со временем улучшился сон. Я начала много читать.

С каждым прожитым днем кошмары прошлого постепенно отпускали, я перестала корить себя за сделанное. Все вы-

шло так, как вышло. Зато теперь я по-настоящему свободна.

– Все, брысь. Брысь, говорю, – смахнула с насеста курицу, которая мешала мне добраться до кладки. Одиннадцать штук в одной – хороший улов для конца холодного октября.

– И нравится тебе этим заниматься? – раздалось за спиной, и я вздрогнула. От неожиданности ударилась головой о лестницу, что оказалось чертовски больно.

Обернулась – Лука стоял в дверном проеме, сложив на груди руки. И кажется, стоял он там уже какое-то время.

– Ты напугал меня, – разозлилась я. – Ты всегда так тихо подкрадываешься?

– Кажется, жизнь здесь для такой как ты скука смертная.

– Нормальная здесь жизнь, – пробурчала я, и вернулась к своей работе: аккуратно, по одному, перекладывала яйца в корзину. – И что значит для такой как я? Я что, какая-то особенная?

– Очевидно же, что все это тебе не близко. Так от чего или кого ты убежала, не расскажешь?

Да что он прицепился ко мне?

Какого дьявола мое прошлое никак не дает ему покоя?

– Почему ты не спишь? – перевела тему я и выбралась из темного закутка. Несушки, прижимаясь друг к другу на жердочке, недовольно закудахтали. – У тебя высокая температура.

– На улице как-то легче.

Я бросила на него взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Ты плохо выглядишь.

– Спасибо, – хохотнул он, обнажив на щеке ямочку. Потом улыбка его спала, сразу же превратив из обаятельного в подозрительного. – Ты не брала мой телефон?

– Что?

– У меня в кармане был телефон. До того как ты меня сбила.

– Вот только не начинай!

– Так где он?

– Понятия не имею. Я не видела и тем более не брала никакого телефона, – держа корзину перед собой, попыталась обойти его, но он остановил меня, преградив путь вытянутой поперек рукой.

– Он мне нужен, – произнес, глядя на меня в упор. – Срочно.

Сейчас, когда он был так близко, я впервые рассмотрела цвет его глаз. Холодные, стальные. Под левой бровью темнела небольшая родинка.

– Я не брала. Никакого. Телефона, – отчеканила, выпутываясь из неожиданного морока.

– Можно вернуться на то место и поискать?

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что я не помню точно, где именно это было. Здесь не принято крепить на деревья указатели. Дай мне, наконец, пройти, – толкнула его плечом и все-таки выбралась

из сарая наружу. Пошла к дому.

– И ты все это съешь? – кивнул на мою добычу, шагая рядом.

– Я же сказала, что завтра утром повезу это в поселок.

– Ты не поедешь в поселок, – уверенно отрезал он, чем заставил улыбнуться.

– Это еще почему?

– Потому что я так сказал.

– А ты мне кто? – резко обернулась я.

Отголоски прошлого, такие яркие и такие болезненные, полоснули по-живому.

– Кто ты такой, чтобы мне запрещать? Я взрослая женщина и давно решаю сама, куда и когда мне ездить! Что-то не устраивает? Можешь идти на все четыре стороны, – и пихнув дверь носком кроссовка, вошла в дом.

Оказавшись на кухне, поставила корзину на стол, затем достала с полки контейнеры из полистирола.

– Ты не слишком вежливая для человека, который чуть меня не угробил, – появился Лука следом.

– Ты еще не устал это повторять? Это вышло случайно, и я сильно об этом сожалею. К слову, твоя вина не меньше моей – никто не выбегает на трассу ночью, так что ответственности за случившееся на нас поровну, – аккуратно, но довольно быстро, переложив десяток яиц в ячейки. – И вообще, я не верю в твою сказку про ночные прогулки. Что ты делал в лесу без машины и даже нормальной теплой одежды, тот

еще вопрос. Впрочем, я не хочу ничего знать, меня это не касается.

– И это правильно.

– Напомню – я тебя не держу.

– Кажется, ты не слишком гостеприимна.

– Так и есть, я не слишком жалую гостей. Тем более неожиданных.

Выдвинула из-под стола ящик наполненный грибами, во-
друзила его на табурет и привычным механическим движе-
нием принялась наполнять маленькие берестяные корзинки,
попутно отбраковывая "неформат", очищая от мелких тра-
винок и налипшей листвы.

Лука стоял прислонившись плечом к стене, не сводя с мо-
их действий заинтересованного взгляда.

– Ты действительно в них что-то понимаешь? – кивнул на
грибы.

– Это не сложно. Этот съедобный, этот – нет.

– Действительно, так просто, – он снова улыбнулся, а я
опустила глаза, потому что снова стало немного неловко.

– Меня дедушка научил, еще в детстве.

– Хороший у тебя дедушка.

– Он давно умер.

– Сочувствую, – и помолчав, добавил: – Почему ты не пе-
реберешься отсюда хотя бы в поселок?

– Зачем? Мне и тут неплохо.

– Молодой красивой девушке неплохо в глухом лесу?

– Не всем же убивать время в ночных клубах.

– Часто там бывала?

Я снова посмотрела на него, изо всех сил приглушая в себе подозрительность.

– Достаточно, чтобы понять, что это все не мое.

– Тебя правда зовут Николь?

– А тебя правда зовут Лука?

Он в очередной раз обнажил в улыбке крепкие белые зубы.

– Один – один.

– Тебе нужно поспать, – кивнула за его спину на диван. – Так быстрее идет восстановление.

– Мечтаешь поскорее от меня избавиться?

– И даже этого не скрываю.

Болтать с ним – риск, ведь сама того не желая я могу рассказать много лишнего, то, что потом сыграет против меня. Да и вообще, ни к чему это сближение. К хорошему не приведет.

Он проспал весь день практически не просыпаясь. Ожидаемо усилился жар, периодически он хмурился во сне, даже что-то говорил, было не разобрать. Я тоже хмурилась, потому что понимала, что дело дрянь – ему нужны антибиотики. И это помимо очевидных проблем с ребрами.

Ему нужна больница, это я тоже понимала, но как доставить его туда? Насильно?

Он не горел желанием светиться, я тем более. Но и пус-

кать все на самотек тоже нельзя. Да, я так и не закончила медицинский и не успела дать клятву Гиппократу, но это же не перестает делать меня человеком.

Переделав все дела, я осознала, что ужасно устала. Напряжение вечера и сон сидя за кухонным столом все-таки дали о себе знать. Ложиться в свою спальню я по-прежнему опасалась, поэтому бесшумно опустилась в кресло, подтянула под себя ноги и набросила на них плед.

Напротив меня спал Лука, и до сих пор я никак не могла привыкнуть к чужому человеку в своем доме. Тем более мужчине. Это было так странно, так необычно и так... волнующе. Не то чтобы он произвел на меня неизгладимое впечатление и я сразу "поплыла", но все-таки, не смотря на очевидные странности, он был довольно интересным мужчиной. И бить себя в грудь, утверждая, что он абсолютно ничем меня не цеплял, означало бы врать самой себе.

Я не верила ему, я его побаивалась, я ему не доверяла. Но отрицать, что он обладает некой харизмой не могла.

Кто же ты такой, Лука?

Что ты все-таки делал поздним вечером в тайге?

Какие тайны ты скрываешь?

Глядя на него, я размышляла, строила предположения и гипотезы, а потом незаметно для себя уснула.

Проснулась снова уже утром. И хоть кресло было намного

удобнее стула, все равно ужасно затекла спина и шея.

Сколько это будет продолжаться и когда я уже смогу спокойно поспать в своей кровати?

Погостил пару ночей, пора и честь знать.

Гость, в отличие от меня, развалился на моей софе как у себя дома, но глядя на него, такого обезоруженного во сне, как-то перехотелось ворчать.

В конце концов он оказался здесь по моей вине... И вроде бы он нормальный. Хотел бы изнасиловать – уже сделал бы это. И плевать – в спальне, за кухонным столом или в кресле. Может, зря я на него наговариваю?

– Лука? – приподняв голову, вслух произнесла я. Поднеся кулак ко рту, широко зевнула. – Лука! – повторила громче.

Мужчина не подал никаких признаков жизни. Сонливость сразу слетела, я жутко испугалась.

А если он... того?

Подскочив, едва не рухнула, запутавшись ногами в пледе. Преодолев препятствие, подошла к нему и потрогала рукой лоб. Он был горячий как добротное растопленная печь.

Нужно что-то делать. Срочно! Так больше не может продолжаться. Скорее всего его бронхит уже перешел в пневмонию, а с ней шутки плохи.

Как назло дома не было ни одного антибиотика. Удивительно, но проживая здесь в не самых комфортных условиях (зимы тут действительно суровые), я за три года я ни разу не болела ничем кроме легкой формы ОРВИ. То ли так работал

инстинкт самосохранения, ведь я знала, что в больницу мне никак нельзя, от ли заражаться тут было особо не от кого, то ли на чистом свежем воздухе и натурпродуктах я здорово прокачала свой иммунитет. Но я как никогда была здесь здоровой и полной сил – это факт.

А вот Лука... Неожиданно целью моей поездки в поселок стала не только добыча денег от продажи даров леса. Мне срочно нужно было в аптеку.

Быстро приведя себя в порядок, я решила не возиться долго с завтраком: просто сварила себе кофе в турке и сделала бутерброд из белого хлеба и собственноручно сваренного земляничного джема. Дабы хоть чуть-чуть разбавить гнетущую тишину, попыталась включить радио, но оно не включилось. Вообще не подало никаких признаков жизни, что было очень странно. Я постучала по корпусу, покрутила колесико настройки радиоволны, заглянула под стол, чтобы проверить, не выпала ли вилка из розетки, но вилки не было. То есть вообще.

Не понимая, что это еще за метаморфозы, я быстро дождала бутерброд, отодвинула стол и тщательно осмотрела все, чего доставал взгляд.

Шнур от радио исчез.

Часть 7

Куда мог деться шнур от радио? Что за шутка такая?

Я перевела удивленный взгляд на спящего Луку. Это сделал он, без сомнений. Но... зачем?

Что плохого ему сделало мое допотопное радио?

Зачем ему мог понадобиться провод?

Надеюсь, не чтобы тебя придушить, – нервно хихинул внутренний голос.

Это было настолько нелогично и странно, что я решила не строить больше безумных версий (а других быть не могло) и спросить у него потом самой. Может, всему этому найдется какое-то логичное объяснение.

Убирая продукты со стола после завтрака, подумав, намазала два бутерброда и оставила тарелку на столе. В конце концов кроме вчерашней утренней яичницы он совсем ничего не ел, а голод явно не способствует выздоровлению.

Мне нужно, чтобы он был жив. Ему никак нельзя помирать в моем доме! Да и вообще, чем больше у него будет сил, тем быстрее он уберется восвояси.

Положив к бутербродам почти пустой блистер Ибупрофена, я тихо вышла из дома и, поразмыслив, запереть дверь или оставить открытой, остановилась на втором варианте.

Может, он одумается и тихонько уйдет, пока меня нет?

Это сильно облегчило бы мне жизнь. Но он же болен...

Идти куда-то в таком состоянии, не зная местности, это считай самоубийство. А на самоубийцу он точно не похож. Хотя, если учесть, как легко он был одет в это время года...

Прыгнув за руль пикапа, я долго грела старенький мотор, потом аккуратно сдала назад и выехала на узкую, объезженную мной тропинку, ведущую к трассе. По дороге я много думала о своем госте, о нашем странном, если его можно так назвать, знакомстве.

Что ни говори, за годы почти полной изоляции я соскучилась по общению. *Тем более с таким интересным мужчиной*, – снова ехидно прошептал внутренний подсказчик, но я шикнула на него грозным цыц. Что за чушь в голову лезет.

Я солгала, когда сказала, что не помню места нашего столкновения. Разумеется, я помнила где именно это было, и даже увидела на обочине следы шин после экстренного торможения. Заметив их, я неожиданно для самой себя остановилась.

Он что-то говорил про телефон. Я действительно его не видела, но было уже темно, и я намеренно ничего не искала. Может быть телефон валяется где-нибудь в кювете?

Понятия не имею, зачем мне все это было нужно, но я выбралась из машины и перешла дорогу. Аккуратно обошла обочину, разгребая ногой пожухлую траву.

Его смартфон я нашла довольно быстро – он валялся себе спокойно под засохшим репейником, в мелких каплях прошедшего под утро унылого дождя.

Я подняла его, осмотрела. Хорошая модель, дорогая. У меня был почти такой же, только более устаревшая модель. Впрочем, когда это было... современная жизнь на месте не стоит, в отличие жизни здесь.

Даже не разбился.

Я вытерла ладонью капли и попыталась оживить экран. Телефон не включился. Видимо, сел. Я засунула его в задний карман джинсов и вернулась в машину. С ним я разберусь позже.

Поселок наш под странным названием Грязь совсем небольшой, но очень уютный. Какой-то уснувший, что ли. Законсервированные восьмидесятые. Никаких сетей современных магазинов, торговых центров и тем более, Боже упаси, маркетплейсов. Люди здесь жили в небольших, чаще одноэтажных, добротных домах из бруса, обнесенных прочным забором, защищающим от непрошенных таежных гостей в виде волка, кабана и даже медведя. Было несколько старых бараков в три этажа, но их с натяжкой можно было назвать гордым словом "многоэтажка".

Среди местных большой гордостью являлся тот факт, что однажды тут, в Грязи, лет десять назад снимали какой-то сериал о серийном маньяке. Говорят, приезжали настоящие звезды кино, жили на окраине тайги в трейлерах. Местные частенько там ошивались, надеясь получить автограф. Но особой удачей было урвать совместное фото хоть с кем-ни-

будь из каста актеров, да хоть просто с девочкой "хлопушкой" из съёмочной группы.

Особенно об этом любит вспоминать баба Маша, владелица булочной, где продается самая вкусная выпечка во всех Грязях, и где часто закупались "те самые знаменитые гости из столицы". В сезон я делаю специально для нее свой фирменный земляничный джем, а она потом печет с ним обалденные ватрушки.

На стене ее булочной, на самом видном почетном месте, до сих пор висят фотографии с автографами тех звезд, которые она заковала в позолоченные рамочки и каждое утро бережно стирает с них пыль. Сегодня в моих планах было зайти и к ней и снова послушать байки о тех временах, но сначала я решила посетить аптеку.

Там я набрала все, по моему мнению, необходимое. Два вида антибиотиков, на всякий случай с разным действующим веществом, ведь я не знала, есть ли у него аллергия на пенициллиновой ряд. Купила еще пару пачек мощного обезболивающего, градусник, Парацетамол и антигистаминное.

– Ты заболела, что ли? – с тревогой поинтересовалась местный фармацевт, что бессменно работал здесь со дня моего приезда.

– Да так, что-то подхватила, кажется, – и для верности, оттернувшись, пару раз покашляла в кулак.

Никто не должен знать, что у меня в доме поселился гость. Которого я к тому же едва не убила.

Бросив на заднее сидение пакет с лекарствами, я достала горсть корзинок и понесла на местный рынок. Раньше я продавала все то тем, то другим, но со временем всю мою продукцию стал покупать один и тот же человек – Вадим. И именно к нему я сейчас и направлялась.

Часть 8

Вадим владел небольшим магазинчиком, где продавались грибы, ягоды, кедровые орехи и прочее, что дарила наша щедрая тайга. Я знала, что нравлюсь ему. С каждым моим визитом он проявлял ко мне все больше и больше внимания, неизменно осыпая неловкими комплиментами и явно переплачивая за мой небогатый улов.

Я прекрасно понимала, что сближаться ни с кем никак нельзя, не для этого я перебралась сюда с другого конца страны. И почти полтора года я жила дикой затворницей, а потом... потом страх начал потихоньку притупляться, уступая место желанию хоть изредка перекинуться с кем-то парой слов. Просто поговорить, чтобы не забыть как это делается. Посмеяться над шуткой, узнать новости из "большого мира". Я не расслабилась, нет, не забыла, почему я здесь, но существовать без общения на деле вышло гораздо сложнее, чем казалось.

Постепенно я познакомилась с несколькими сельскими жителями, именно они посоветовали мне привозить из леса свои находки и подавать местным торгашам. Что пришлось очень кстати: к тому времени мои финансовые запасы, что убегая удалось прихватить с собой из дома, практически подошли к концу. Мой маленький бизнес приносил небольшой, но достаточный для меня доход. Учитывая, что все мои

требования сводились к банальному "просто жить", нужно было мне немного: еда, одежда по сезону, книги, кое-что для быта. Необходимый минимум. Даже удалось немного отложить.

А еще у меня появилась подруга – жена местного егеря, что так же как и я живут отчужденно в тайге. Изредка мы встречаемся, болтаем, можем даже выпить за беседой бутылочку вина.

– "Тебе нужно дать Вадиму шанс", – советовала мне Устинья. – "Хороший же мужик, работающий. И ты ему очень нравишься. Подумай".

Вадим действительно был хорошим мужиком. Улыбчивым, скромным, спокойным. Разница в двенадцать лет меня не слишком смущала, как и наличие у него десятилетнего сына, которого он воспитывал один. Меня смущало другое – кроме дружеских чувств и совсем небольшой симпатии я совершенно ничего к нему не чувствовала. Пусто. А заводить отношения с кем-то, чтобы просто не быть одной, я категорически не хотела.

Да и вообще больше не хотела никаких отношений.

– Здравствуй, Николь, – улыбнулся Вадим, когда я заглянула в его магазинчик. Он вышел из-за прилавка, вытирая руки о передник. – Ты сегодня рано.

– Да вот, решила прогуляться, погода хорошая, – я тоже улыбнулась ему, опуская на пол свою добычу.

– И что там в этот раз? – бросил взгляд в корзину. – Гри-

бы? Отлично. Я уже думал, что сезон закончился.

— И должен был, но благодаря затяжным дождям, кое-что еще можно найти. Там еще немного клюквы, яиц.

— Не женское это дело, мотаться по тайге, — мягко пожурил он, поднимая корзинки, даже не убедившись в качестве товара. Он всегда так делал, просто забирал все, что я приносила, не глядя. — Тебе бы в тепле сидеть, детей воспитывать, а не вот это все.

— Для того, чтобы воспитывать детей, их надо сначала родить. А для этого нужно чтобы было от кого.

Щеки Вадима слегка порозовели. Он вообще был слишком стеснительным, робким, именно поэтому боялся сделать нормальный первый шаг.

Его жена, какая-то командировочная из Краснодара, бросила его почти сразу после рождения ребенка. Уехала, не выдержав жизни в глуши. С тех пор он так и не построил ни с кем отношений, растил сына один. И кажется, решил, что я смогу заменить парнишке бросившую его мать.

— Угощайся, вкусный, — улыбнулся Вадим, увидев, с каким аппетитом я смотрю на фруктовый мармелад. Я не стала стесняться — взяла сразу горсть и принялась по одному кидать в рот. — У тебя же вроде день рождения скоро?

Я подавилась. Ведь день рождения у меня седьмого июня. А потом вспомнила, что ляпнула ему первое попавшееся выдуманное число, когда он как-то поинтересовался.

— Ну... да, скоро. Я уже и забыла.

– Планируешь что-то?

Усмехнулась. Да, конечно, хочу закатить вечеринку на пятьдесят персон в дорогом ресторане на восемьдесят девятом этаже одной из высоток Москва-Сити. С шампанским, черной икрой и популярным ведущим стендап-комиком.

Именно так, с размахом, я отмечала свои двадцать пять лет.

Тогда я еще не знала, что в эту же ночь моя жизнь кардинально изменится.

– Ничего не планирую, – я дернула плечом, дожевывая мармелад. – Книгу почитаю, как обычно.

– А чего так? Ведь день рождения всего раз в году.

Как сказать. У меня вот два – выдуманный и настоящий.

– Да не знаю, как-то не привыкла веселиться, – взгляд упал на куртку на крючке, торчащую из подсобки. Большая, мужская, добротная. В такой наверняка тепло нашей таежной осенью... – Вадим, а... у тебя нет какой-нибудь старой куртки? Еще одной, – кивнула.

– Зачем тебе? – удивился он.

– Да так, в хозяйстве пригодится. Во двор выйти, – очаровательно улыбнулась. – Но, разумеется, если есть лишняя, ненужная.

– А забирай эту, – легко предложил он. Протянул руку и снял с крючка пуховик, протянул мне. – Это чисто так, для работы, я и не ношу ее считай.

– Да мне неудобно как-то, раздела тебя.

Он снова покраснел до кончиков ушей.

– Бери, бери.

Очередное безумное с моей стороны. Ну какая мне разница, замерзнет Лука или нет. Я ему не нянька, не жена и не мамочка. Но он серьезно болен, даже если антибиотики помогут, он выйдет в своей жилетке и сразу же по-новой. Как бы я не бурчала, я же действительно виновата в том, что с ним произошло.

Не важно, что он делал в тайге в поздний час, возможно, у него были на это свои мотивы. Уж мне ли не знать.

– Спасибо, буду тебе должна, – чтобы не тащить в руках, набросила подарок на себя. Действительно теплая.

Плечи у Луки приличного шире, возможно, будет маловата, но пусть скажет спасибо и за такой щедрый подгон.

– Слышала новость? Про дочь Добровольского, – посмурнел Вадим. Я тоже перестала улыбаться, кивнула.

– Да ужас просто. Поверить невозможно, что кто-то из наших способен на такое. Тут же все друг друга как облупленные знают.

– Так это и не из наших. Гастролер.

– Seriously? – я округлила глаза. – Нашли уже, что ли?

– Пока нет, ищут. Говорят, где-то в тайге спрятался.

– М, – вдоль позвоночника пробежал легкий холодок. – А хоть как выглядел известно? Видел его кто-нибудь?

– На лесопилке, где девчонку нашли, камера видеонаблюдения висит. Кто-то из местных стал дерево таскать, вот Гри-

горян и подсуетился, чтобы потом носом ткнуть. Кто бы мог подумать, что понадобится она для такого.

– Фотография есть?

– Есть, – и кивнул мне за спину. – Вон фоторобот висит. Личность пока устанавливают.

Я медленно обернулась и посмотрела на пришпиленную к деревянной обшивке снимок. Во рту резко стало сухо, а виски заложило от бешеного прилива крови.

С черно-белого снимка на меня смотрел Лука.

Часть 9

– Ника! Николь! Что с тобой? – словно из вакуума раздался голос Вадима.

Видимо, я настолько выглядела ошарашенной, что не смогла это как следует скрыть.

– Что? – обернулась на него, едва разлепив губы. – Извини, я...

– Испугалась, да? – кивнул на фоторобот с изображением моего гостя. – Не переживай так, скоро его точно поймают, далеко не убежит. А если не поймают, его тайга сгнобит. Сама знаешь, что чужаков она не щадит.

– Да-да, ты прав. Я... мне... мне пора. Извини, потом поболтаем, – и на автомате переставляя ноги метнулась на выход из магазина.

– Николь! Подожди! А деньги? Ты деньги не взяла!

Бросил мне Вадим вслед, но я его уже не слушала. И не слышала. Я, расталкивая прогуливающуюся вдоль торговых рядов толпу, мчалась к своей машине, пытаюсь быстрее спрятаться от всех и прийти в себя.

Лука и есть тот самый убийца дочки главы поселка?

От одной только мысли, *что за человека* я привела в свой дом, по коже пробежала волна озноба.

Я же знала! Чувствовала, что с ним что-то не так! Его появление на ночной трассе изначально было нехорошим зна-

ком. Почему я не прислушалась к внутреннему голосу?

Почему потеряла осторожность и позволила себе закрыть глаза на то, что буквально в них бросалось?

Добредя до пикапа, я рухнула на водительское кресло и, заперев машину на все замки, вцепилась обеими руками в руль.

Перед глазами до сих пор стояло его фото. Это точно был он, без сомнений. Может, волосы были чуть длиннее и длиннее щетина, но это могла быть игра света – снимок получился не слишком четким. Но достаточно, чтобы без сомнений узнать в нем мужчину, что сейчас лежит с высокой температурой у меня дома.

Что мне теперь делать? Как поступить?

Взгляд сам по себе уткнулся в крошечное отделение местной полиции, что находилось прямо напротив.

Я всегда избегала это место, на то у меня были свои, очень веские причины.

Переступить через свой страх, рискнуть всем и рассказать обо всем участковому?

Но он непременно, обязательно затребует мои документы! Не может быть иначе. Ведь я буду давать показания, вся эта рутина... И это будет последним, что я сделаю. Моей спокойной жизни точно настанет конец.

Или он настанет когда я вернусь домой и этот псих прикончит меня как свидетеля.

Что хуже?

Призраки прошлого или настоящего?

Если настоящее туманно, то с прошлым все ясно – я *точно* знаю, что будет, если мое имя всплывет. Без вариантов.

Я не хотела думать о том, что именно побудило Луку сделать это с дочкой Добровольского. Хотя сделать что? Я не знала подробностей. Вадим сказал, что нашли ее на лесопилке, что уже не предвещало ничего хорошего.

Просто случайно убил?

Изнасиловал?

А если... если там произошло что-то поистине жуткое?

Фантазия у меня всегда была богатой, но благодаря чтению книг в последние годы стала особенно яркой. Перед глазами предстали такие картины, что пришлось зажмуриться и несколько раз глубоко вдохнуть и протяжно выдохнуть, дабы привести сердечный ритм в норму.

А если...

Если это какая-то ошибка и Лука ничего не совершал?

Может, он попал на это фото случайно?

Его же никто не поймал за руку склоненным над трупом!

Я мало что слышала о дочери Добровольского. Не знала ее и ни разу не видела. Говорили, что она часто куда-то уезжала по работе. Была скромной и вежливой девушкой. Я попыталась вспомнить хоть какие-то более детальные подробности из обрывков бесед, но ничего путного не припомнила.

– Господи, что же мне делать? Что?! – произнесла я вслух, и яростно растерла ладонями лицо, чтобы заставить кровь

снова циркулировать.

В голове гудело, я до сих пор пребывала в шоковом состоянии. И понятия не имела, какие действия мне предпринять.

Открылась дверь участка, и на порог вышел молодой сержант. Достал из кармана мятую пачку сигарет. Выбил одну, высек огонь из зажигалки и глубоко затянулся.

Подойти и все Расскажи ему. Так просто.

Но это означает поставить на кон не просто свою спокойную, а в принципе жизнь.

Прошрое не прощает ошибок и просчетов. Я знала это точно.

А Лука... он же не тронул меня. Мы провели вместе две ночи и ничего не случилось. Ни намек, ни даже какого-то двойственного взгляда.

Ну не могу я обратиться в полицию! Не могу!

Если бы я встретила его где-то вне своего дома, я бы могла попробовать донести на него анонимно. Но вся проблема в том, что он у меня. Я точно стану невольным фигурантом этого жуткого дела. Перед глазами сразу же встала живая картина, как у моего дома толпятся полицейские, спят мигалки, всюду яркая оградительная лента...

Исключено! Нет!

Господи, за что? Вот за что мне все это?

И тут же внутренний голос мерзко прошептал: *действительно? Думаешь, не за что?*

Внезапно я ощутила, что мне очень жарко, и только потом

дошло, что на плечи до сих пор накинута куртка Вадима, что я выпросила для этого человека.

Я нервно стянула ее и с какой-то даже ненавистью бросила на заднее сиденье. Снова растерла лицо, обдумывая свои действия.

Мне придется вернуться домой. Другого выхода нет. И под любым предлогом выманить его. Можно же что-то придумать!

Телефон? Он же нужен ему. Мы уедем якобы на его поиски, а потом... что делать потом, я так далеко не заглядывала.

— Просто не показывай ему, что ты все знаешь, слышишь? — пригрозила я своему отражению в зеркале на лобовом. — Веди себя как и вела, и все получится. Пока ты ничего не знаешь, ты для него не опасна.

Поэтому он так дотошно интересовался, каким образом я узнаю новости из внешнего мира. Поэтому буквально выдохнул, когда выяснил, что у меня нет телевизора и телефона.

Радио! Меня осенило. Он намеренно спрятал шнур, чтобы я не слушала новости и не сложила два и два.

И поэтому не хотел чтобы я ехала в поселок.

Он боится, что я сдам его. Но он даже не догадывается, как сильно ему повезло. Во всех Грязях нет ни одного человека, кто меньше всего хочет ввязываться во все это.

Я найду способ оповестить о нем полицию. Но это точно не произойдет в моем доме. И мне имя не будет фигурировать в этом деле.

Полная решимости я завела мотор. С холодной головой выехала на ту самую злосчастную для меня трассу.

Я была уверена, что хорошо справлюсь со своей задачей. У меня получится обвести его вокруг пальца, он не догадается, что я уже в курсе.

К сожалению, я слишком плохо знала своего "гостя". Вернее, я не знала его совсем.

Часть 10

Подъезжала к дому я ужасно волнуясь. Меня не было несколько часов, этого достаточно и произойти могло *что угодно*.

Я оставила в своем жилище совершенно чужого человека. Одного.

Убийцу молодой девушки.

Это было странно, возможно, даже ненормально, но я не испытывала животного ужаса от этой мысли. Страх присутствовал, безусловно, но не такой, чтобы пойти и сдать его полиции (что было бы умнее всего!) и подставить тем самым себя же.

Я понимала, что действую безрассудно и, возможно, сильно об этом пожалею. Если он не заставит меня замолчать раньше, конечно. Но у меня не было иного выбора, кроме как взять в охапку куртку, лекарства, кое-какие продукты, что успела купить, и направиться в дом.

Дверь была по-прежнему просто прикрыта, но не так, как это сделала я, более плотно. Значит, он куда-то выходил. Мелькнула мысль о ружье, что спрятано в сарае. А если он нашел его? Но об этом думать было уже поздно. Сейчас и проверим.

Я тихо вошла в дом и сразу же уткнулась в немигающий взгляд Луки. Он сидел в кресле, положив руки на подлокот-

ник, ноги развел в коленях, словно просто отдыхает. Но этот его пробирающий до самых костей взгляд...

Делай вид, что все в порядке. Прошу тебя, – умоляла мысленно я саму себя. – Возможно, от этого зависит твоя жизнь.

– Почему ты не спишь? – спросила я, как мне показалось довольно ровным спокойным тоном.

– Время два часа дня, – поставил в известность он.

– А, ну да, – нервно улыбнулась. – Значит, ты не из тех, кто любит поспать?

Под пристальным конвоем его глаз дошла до кухонной зоны, опустила на стол пакеты.

Я слишком много на себя брала, думая, что мне не так страшно и я справлюсь. Здесь, в замкнутом пространстве дома, я сразу же ощутила, насколько незащищена.

Меня даже не сразу найдут, если что. Гости у меня бывают редко.

И снова разыгралась чертова фантазия. Я представила, как буду лежать тут в гордом одиночестве до самой весны, а потом бедным криминалистам придется опознавать мое разложившееся до неузнаваемости тело по фрагментам зубов или ногтям...

– Ты все-таки уехала, – раздалось недовольное за спиной. Я вздрогнула и обернулась, изо всех сил умоляя себя не блед-

неть.

– Да, я же говорила. Мне нужно было сбыть продукцию, пока все не испортилось.

Чуть подрагивающей рукой достала из пакета бутылку молока, сливочное масло, сыр.

– И что там было?

– Где?

– В поселке.

Я видела периферийным зрением, что он подошел ближе. Дыхание стало поверхностным, рваным.

– Да ничего, – дернула плечом, – все как обычно.

– Совсем ничего?

– Совсем. Вот, – достала коробки из аптеки и протянула ему. – Сейчас прими одну капсулу вот из этой, синей. Вечером еще одну. А между ними две таблетки из белой коробки.

– Что это за препараты? – подозрительно спросил он, не касаясь упаковки.

– Антибиотики. Обезболивающее. Таблетки, сбивающие жар. Они сильные, тебе помогут.

– Откуда я могу знать, что ты не решила меня отравить?

– Ни откуда. Но если тебя не убьет отравка, непременно добьет воспаление легких. Можешь не принимать, мне все равно.

А ведь действительно, я же могла купить что-то, что вырубило бы его на пару часов. Положить в коробку из-под обезбола, например. Потом вывезти его куда-нибудь и бросить

подальше от дома.

Но я этого не сделала. Даже не подумала о подобном.

Показное равнодушие сработало – он взял коробки, покрутил в руках. Сверил название на упаковке и блистере. Потом достал сразу две капсулы из синей и бросил в рот, как и прежде не запивая водой.

– Надо было одну, – укоризненно напомнила я.

Он ничего на это не ответил. Засунул в себя еще одну от температуры. И все это сопровождая быстрыми, острыми, рваными взглядами в мою сторону.

Мог ли он убить девушку? Расправиться с ней жестоко?

Логика кричала: конечно. Конечно мог! Внешность обманчива, тебе ли не знать. Но интуиция... та как дура сомнительно поджала губы.

– Посмотри, что у меня там, – вдруг произнес он.

– Где? – тупо переспросила я.

– Чертово ребро.

Вернувшись к дивану, скинул толстовку, футболку, обнажив голый торс. Как бы я не была напугана, не отметить то, что он все-таки очень неплохо сложен, не могла. Хорошее крепкое мужское тело, определенно дружное со спортом. Сильный. Определенно очень сильный...

Я бросила возню на кухне и вернулась в гостиную. Деловито попросила его развести руки, ощупывая кожу в страшные кровоподтеки, ощущая ее жар своими холодными пальцами.

– Тут болит?

– Да, – коротко ответил он и стиснул зубы.

Все-таки трещина. Но то, что отек не стал больше, не разрослась гематома, было хорошим знаком.

– Жить будешь, – резюмировала я, испытывая выматывающие своей двойственностью чувства.

А если действительно произошла какая-то чудовищная ошибка и на камеры недалеко от места убийства он попал как-то случайно?

Могло ли быть такое?

Могло.

А могло и не случайно.

Куда ты вляпалась, Николь.

Не забывая, что надо играть роль несведущей дуры, вернулась к обсуждению обыденного.

– Ты что-нибудь ел? – и тут же бросила взгляд на оставленную утром тарелку. Она была пуста.

Подкармливаю жестокого убийцу, чтобы он случайно не подох. Какая прелесть.

Перевела взгляд на Луку, он снова смотрел на меня. Не мигая.

– Что? – с претензией бросила я.

Ответа ожидаемо не получила.

Есть совершенно не хотелось, нервное напряжение полностью усыпило аппетит. Но надо было хоть чем-то заняться, чтобы не наводить на себя подозрений и меньше контакти-

ровать с ним. Решила сварить суп.

Отыскав кастрюлю, наполнила ее водой, поставила на плиту. Достала из ящика картофель, морковь, лук, сушеные грибы. Садиться к нему спиной не рискнула: передвинула любимый табурет так, чтобы держать мужчину в поле зрения.

Когда я принялась за очистку первой картофелины, Лука неторопливо подошел к столу напротив. Достал из подставки нож, чем заставил мое сердце едва не остановиться от страха.

Вот и все. Доигралась.

Но он не стал меня убивать: перевернул стул спинкой вперед и ловко подсунул его под свою пятую точку. Тоже взял в руки картофель, чем вызвал мой ступор.

– Что ты собираешься делать? – голос чуть сел.

Отличная актриса, ничего не скажешь.

– Помогу тебе, – ровно ответил он и, аккуратно сделав первый надрез, потянул ножом тонкую ровную шкурку.

Я как замороженная смотрела на его руки, не понимая, что черт возьми это сейчас происходит.

– Ты хочешь помочь мне сварить суп? – с трудом обрела дар речи.

– Почистить овощи, если точнее.

– Это не обязательно.

– Мне все равно нечем заняться.

Я глухо протолкнула застрявший в горле ком. Дрожащей рукой продолжила чистку картошки.

Если бы он набросился на меня, я бы совсем не удивилась. Но это...

На улице пошел дождь. Раз – и застучал по стеклам мелкой барабанной дробью. Несколько раз моргнул свет, превратив обстановку в поистине тревожную.

Уткнувшись взглядом в бедную истыканную картошку, забросила пробный шар:

– Я все еще могу отвезти тебя куда скажешь, если ты вдруг передумал.

– Я не передумал.

Снова замолчали. Лишь избавленные от шкурок овощи по очереди опускались в чашку. Один раз он случайно (или нет) коснулся своими пальцами моих, и я взрогнула. Только не совсем поняла от чего именно.

Я не смотрела на него. Не могла себя заставить.

– Ты же все знаешь, да? – тихо, даже как-то ласково спросил он. – Про меня.

Я ощутила, как от лица отлила кровь.

Моя игра оказалась паршивой. И я недооценила его ум.

– Да, – хрипло ответила я. – Я все знаю.

Часть 11

Я ожидала чего угодно, но только не такого исхода. Так просто: "ты все знаешь". И такой мой простой ответ "да". Словно речь идет не об убийстве, а о чем-то неважном, вроде погоды на завтра.

Плюх – в тарелку упала очищенная луковица.

– Как именно ты узнала? – спросил он, спокойно принимаясь за вторую.

– Увидела фоторобот. Они развешаны на каждом шагу.

Взяла миску в руки, поднялась. Забросила очищенные овощи в крошечную раковину, что работала по принципу старого умывальника – вода шла от нажатия на специальный носик.

Мне пришлось повернуться к Луке спиной, иначе я бы не смогла ничего помыть. Да и это уже не имело значения. Буду я к нему спиной или лицом, он сделает то, что задумал, если такие мысли его посетили.

Он не набросился на меня. По крайней мере пока. Остался сидеть на прежнем месте, отодвинув от себя нож. То ли просто так, то ли намеренно усыпляя мою бдительность.

– И что там говорят? – после паузы снова спросил он. – Люди в поселке.

– Что ты убийца, – удивительно, как легко я произнесла это знакомое мне не понаслышке слово. – Все ищут тебя. И

обязательно найдут.

Он тихо усмехнулся.

А я... я словно впала в эмоциональный анабиоз. Ушло чувство осторожности, страха, тревоги. Я *ужев* ловушке, какой смысл растрачивать себя на лишнее?

Вернула тарелку с мытыми овощами обратно на стол. Подвинула к себе разделочную доску и принялась методично нарезать морковь на одинаковые кубики.

– За что ты убил ее? Дочку Добровольского.

Так буднично, словно спросила, который сейчас час.

– Я не убивал ее, – так же буднично ответил он.

Теперь уже улыбнулась я. Ну конечно.

А на душе, где-то внутри, все равно стало чуть-чуть легче.

– Разумеется. Другого ответа я не ждала.

– Я сказал правду.

– Тебя видели там! – резко бросила я. – У этой лесопилки.

Ты там был в момент убийства. На фото твое лицо! Я видела его своими глазами!

– А ты уверена, что это было *мое* лицо? – вкрадчиво спросил он.

– Да! Твое! Я сразу узнала тебя как только увидела, не потребовалось и доли секунды.

– Иногда то, что мы видим, не является истиной.

– Ой, только не лечи меня, ладно? – я сморщилась, как от зубной боли. Больше всего я не выношу, когда из меня делают дуру. – Скажи еще, что просто проходил мимо. Гулял

поблизости. Давай, начинай оправдывать себя.

– Ты хочешь услышать то, что хочешь или правду? – он был на удивление спокоен. – Ты спросила, я ответил. Не я убил ту девушку.

– Зачем ты меня-то обманываешь? Смысл? Я не прокурор. Не мне решать твою судьбу. Ты не показался мне человеком, который настолько труслив, чтобы выгораживать себя перед хрупкой женщиной.

– Хорошо, это сделал я, – легко согласился он, сложив на мощной груди крепкие руки.

Я вскинула на него затравленный взгляд.

– Ты же это хочешь услышать? – продолжил Лука. – Я так понял, что ты все для себя уже решила. Смысл переубеждать.

От волнения нож коварно соскользнул с моркови и попал четко по пальцу. Я охнула от неожиданности и засунула палец в рот, чтобы остановить кровь. При этом я не сводила глаз с Луки.

Зачем он так упорно настаивает, что это не он?

В этом действительно нет никакого толка.

Если он решил убрать меня, имеет ли значение, буду ли я знать правду перед тем, как сделаю последний вздох?

Или он не собирается вредить мне и просто стелит соломку, чтобы я потом не свидетельствовала против него?

Что у него на уме?

Лука неторопливо слез со стула, обошел меня, что-то взял

за моей спиной. Через мгновение на стол опустилась аптечка, что я недавно принесла из своей комнаты и оставила здесь.

– Что ты делаешь? – не вынимая палец изо рта, изумленно спросила я.

– Пока тебя не было, я искал что-нибудь, чтобы убрать чертову боль. Видел там перекись и пластырь.

Он нашел то, что перечислил. Выложил на стол.

Я кивнула, словно это само собой разумеющееся – помогать мне, и быстро обработала рану.

Все происходящее, не только сейчас, вообще в эти дни, было настолько странным, выбивающимся из моего привычного ритма, что начало казаться, что у меня просто начала подтекать крыша. В моей жизни – жизни отшельницы – никак не могло произойти что-то подобное.

Я скрываю в своем доме преступника? Серьезно?!

– Я дорежу, – он забрал к себе доску и принялся ловко орудовать ножом.

– Зачем ты сломал мое радио? – не сводя глаз с его точных движений, спросила я. – Чтобы я ничего больше не узнала?

– Да.

– Боялся, что я о чем-то догадаюсь? Сложу два и два, услышав, что по тайге бродит маньяк?

– Хотел избежать этого разговора. Когда ты меня обвиняешь, а я словно оправдываюсь.

– А ты не оправдываешься?

– Нет. Я сказал тебе все как есть. А уж тебе решать, верить мне или нет.

Либо он хороший актер, либо психолог, либо я полная дура, но я как будто бы даже поверила его словам. Он говорил это так... не волнуясь, не переживая ни о чем. Так говорят только те, кому действительно нечего скрывать.

Допустим я до сих пор не могу говорить спокойно на тему своего прошлого.

Потому что я вру.

– Что ты делал тогда у лесопилки? Никто не может попасть туда просто так, прогуливаясь мимо. Это невозможно, территория огорожена и она охраняется.

– Меня не было у лесопилки, – отрезал ровный картофельный брусок и разделил его на красивые кубики.

– Там твоё фото, Лука. С камер видеонаблюдения. Это точно ты.

– Хорошо, я.

– Ладно, все, я поняла! – психанула я, подняв руки, словно сдаваясь. – Я больше не буду задавать тебе вопросы, потому что все равно не услышу правды. И я не хочу ничего знать. Просто не хочу.

– А знаешь, что мне интересно... – произнес он, принимаясь за грибы. – Ты же была в поселке, там наверняка есть полицейский участок. Ты увидела мой фоторобот, но почему-то не сдала меня. Не забежала к ним в слезах и панике, не сказала, что я у тебя.

Нет, нет, это то, о чем я вот совсем не хотела говорить. Пожалуйста, не развивай эту тему!

– Не пошла, потому что я тебя сбила на дороге, – быстро нашлась. – Меня вообще-то тоже за это накажут. Могут даже посадить.

– Ой, да брось, – даже как-то весело улыбнулся он, явив миру ямочку на щеке. – Я самый разыскиваемый преступник в вашей вшивой деревушке за последние лет сто. Если бы ты меня выдала, тебя бы всем поселком на руках по очереди носили. И плевать бы им было, что ты сбила опасного убийцу, – сдвинул ножом в сторонку нарезанные грибы. – А не потому ли ты, Николь, не пошла в полицию, что самой есть что от нее скрывать?

Я вспыхнула, не отдавая в себе в этом отчета. Он затронул острую тему. То, о чем я совершенно не хотела бы говорить.

– Ты здесь не просто так, – продолжил он. – Ты скрываешься от чего-то. Или, что вероятнее всего – от кого-то. Поселилась в клоаке вселенной, не отсвечиваешь. Такая красавица и живет в глухом лесу – думаешь, я кретин?

Даже комплимент не порадовал меня сейчас. Я пребывала в шоке, что меня вот так просто на раз-два раскусили. А я-то думала, что надежно похоронила свои тайны. Как вышло на деле – нет.

– Не знаю, что ты там натворила, в прошлой жизни, но явно что-то противозаконное. И ты точно не пойдешь в полицию, – на его лице снова расцвела улыбка. – Для меня все

складывается как нельзя лучше, правда? Идеальнее места чтобы спрятаться просто не найти. Ведь ты меня не сдашь.

– Я бы на твоём месте не была так уверена. Сдам. И глазом не моргну.

– Не сда-ашь, – нараспев протянул он и отложил нож. – Я все. Дальше ты сама.

Вода к тому времени вскипела, и я принялась по очереди загружать в кастрюлю овощи, пребывая в состоянии близком к панике, не переставая размышлять, что же делать дальше.

Он знает мой секрет. Пусть не именно какой, но он знает о его наличии, а этого уже достаточно.

Все перевернулась и на коне сейчас он. Теперь Я завишу от того, выдаст ли он меня. Не наоборот.

Как так вышло? Что и в какой момент пошло не так?

– Я не стану лезть тебе под кожу, но если ты расскажешь, что ты там когда-то натворила, мы вместе подумаем, что с этим можно сделать и как это исправить.

– Это уже не исправить! – грубо отрезала я. – Как и то, что ты убил молодую девушку.

– Ты так уверена, что я убил... Не потому ли, что знаешь, что это такое?

Я резко обернулась на него, и он наверняка прочитал в моих глазах страх. А его глаза улыбались.

Защищаясь – нападай! Не позволяй ему загнать тебя в угол!

– Ты несешь чушь! Да как ты смеешь обвинять меня в

подобном! Как у тебя язык повернулся! – вскипела сильнее, чем вода в кастрюле. – Мы знакомы два дня, и ты уже решил, что этого достаточно, чтобы кидаться такими громкими обвинениями? К тому же не подкрепленными абсолютно ничем, кроме твоей больной фантазии! Я засужу тебя за клевету, слышишь? Я этого так не оставлю!

Он рассмеялся. Громко, искреннее, закинув голову назад. Потом смех перешел в кашель, но он остановился не сразу. Так ему было весело.

– Смеется тот, кто смеется последний, – попыталась поставить в беседе, в которой я с треском проиграла, замысленную точку. – Посмотрим, как ты завтра будешь хохотать, когда за тобой приедет полиция.

– И каким образом ты их вызовешь? Через голубиную почту?

– Я найду способ.

– Ничего ты не найдешь, – перестал улыбаться он, став серьезным. – И искать не будешь. Тебе не нужны проблемы с полицией. Мне они не нужны тоже. Давай не будем ничего усложнять. И оба останемся в выигрыше, – и подумав, добавил. – Я посплю, если ты не против.

И ушел в комнату. Там лег на диван, повернулся ко мне спиной, натянув на ноги плед. Совсем не переживая, что я всажу между его лопаток нож.

Либо он самоуверенный, либо дурак. Либо... слишком умный, чтобы понимать, что я не стану этого делать.

Он загнал меня в ловушку и чувствует себя на коне.

А если он правда не убивал дочь Добровольского и поэтому чувствует себя так расслабленно? Он как будто совсем не боится полиции, словно просто не хочет с ними связываться и тратить на них свое время.

Ситуация с этим снимком довольно туманна, никто не ловил его с ножом в руках. Или чем он там ее убил.

Или ловил?

Голова разболелась от обилия мыслей, я на автомате мешала наваристый грибной суп, перебирая одно за другим свои действия. Думала, как себя повести. Как выдворить его из своего дома, и остаться при этом сухой. А он, походу, хорошо здесь устроился и не собирается уходить.

Хочет подождать когда пыль уляжется?

Когда сменят вектор поисков?

Или когда найдут настоящего убийцу и оставят его в покое?

Хотелось бы последнее, но что-то подсказывало мне, что если он и не убивал, то все равно в чем-то замешан. Что-то видел, что-то знает.

Он не просто так решил остаться здесь, в моем доме.

Он решил залечь на дно.

Часть 12

Антибиотики ему явно помогли. Когда он проснулся, то выглядел уже куда лучше. Цвет лица стал здоровее, к нему как будто бы вернулась присущая ему в обычной жизни бодрость.

Конечно, я не знала, какой он вне стен моего дома, но почему-то была уверена, что он не из тех, кто любит валяться на диване с банкой пива, посматривая футбольный матч. Его тело – а уж его-то я видела – явно близко дружит со спортом, да и человек он определенно не глупый, начитанный.

Он молча поднялся с дивана, накинул свой жилет и так же не говоря ни слова вышел из дома. Вернулся через несколько минут.

– Обед готов, – сухо поставила его в известность я, подбрасывая в печь дрова.

Самым сложным в жизни здесь оказалась их загот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.